

Иванъ Александровичъ Ильинъ.

СОВѢТСКІЙ СОЮЗЪ – НЕ РОССІЯ.

(Памятные тезисы).

1947 г.

Предисловіе.

Авторъ этой статьи, русскій зарубежный ученый, живетъ въ условіяхъ такого безправія, что онъ не можетъ не только не выпустить ее отдѣльной брошюрой, но и подписать ее своимъ именемъ. Въ такомъ положеніи находится большинство русскихъ ученыхъ за рубежомъ, и авторъ раздѣляетъ ихъ участь. Онъ понимаетъ, что полное и настоящее имя автора повышаетъ политическую цѣнность всякаго документа, предназначеннаго для борьбы. Но переживаемое нами время не позволяетъ молчать; и онъ считаетъ, что высказанная здѣсь правда говоритъ сама за себя, кто бы ее ни высказалъ.

Высказанная имъ историческая правда должна быть рано или поздно признана всей Россіей и другими народами міра. Поэтому статья эта требуетъ самаго широкаго распространенія.

Ввиду этого авторъ предоставляетъ каждому, кто прочтетъ эту статью и согласится съ ея основною мыслью, *право* свободно и безвозмездно переписывать ее для распространенія (отъ руки или на машинкѣ) или печатать ее (на ротаторѣ, въ газетѣ, въ журналѣ или отдѣльной брошюрой), а также переводить ее на иностранные языки (опуская при этомъ первую и послѣднюю главы, какъ менѣе интересныя для иностранцевъ). Онъ проситъ только не искажать его основного русскаго текста вставками или сокращеніями и не уродовать его мысль губительной для смысла совѣтской ортографіей.

Если же автору удастся переселиться въ другую страну или если смерть освободитъ его отъ положенія безправнаго зарубежника, то имя его будетъ опубликовано.

Авторъ.

1. О совѣтскомъ патріотизмѣ.

Не мы первые произнесли это словосочетаніе: его придумали и пустили въ ходъ сами коммунисты и соблазненные ими зарубежники. Они сами назвали себя совѣтскими патріотами и этимъ опредѣлили свое политическое естество и свое мѣсто въ исторіи Россіи. Намъ остается только вскрыть смыслъ этого наименованія и указать имъ свое мѣсто.

Съ обычной, юридически вѣрной и политически грамотной точки зрѣнія это наименованіе является просто невѣжественнымъ. Слово «совѣтскій» обозначаетъ форму государственнаго устройства, не болѣе. Мы знаемъ *монархическую* форму государства и *республиканскую*. Совѣтское государство считаетъ себя республикой: говорятъ, что это новая разновидность республиканскаго строя — не парламентская республика, а именно совѣтская. Развивая эту мысль, торопливые и болтливые младороссы (не доброй памяти) давно уже предлагали устроить совѣтскую монархію: принять совѣтскую форму государства и возглавить ее революціоннымъ «царемъ»...

При юридически правильномъ пониманіи идея совѣтскаго патріотизма оказывается прямою нелѣпостью.

Патріотъ преданъ своему отечеству, своему народу, его духовной культурѣ, его національному преуспѣянію, его органическому благоденствію; онъ желаетъ его международной независимости, онъ служитъ его сильной и доблестной самооборонѣ... Но патріотомъ можетъ быть и монархистъ, и республиканецъ. Въ Швейцаріи и въ Соединенныхъ Штатахъ вы найдете множество патріотовъ, но не отыщете монархистовъ. Не менѣе патріотовъ вы найдете въ Англіи и въ Голландіи, но «республиканцы» составляютъ тамъ огромное меньшинство. Родина едина, отечество одно; но государственную форму своей страны люди могутъ мыслить различно. Это означаетъ, что вопросъ государственной формы опредѣляетъ не патріотическую, а партійную принадлежность человѣка. Въ лонѣ патріотической вѣрности могутъ пребывать и монархисты, и республиканцы. И тѣ и другіе любятъ прежде всего свое національное отечество (Голландію, Англію, Соединенные Штаты, Швейцарію, Францію): они — вѣрные голландцы, преданные англичане, гордые американцы, стойкіе и храбрые швейцарцы, пламенные французы, а потомъ уже и именно вслѣдствіе этого *національнаго патріотизма* они требуютъ для своей страны той или другой государственной формы — одни желаютъ монархію, другіе республику.

Но «совѣтскій патріотизмъ» есть нѣчто извращенное и нелѣпое. Это есть *патріотизмъ государственной формы*. «Совѣтскій патріотъ» преданъ не своему настоящему Отечеству (Россіи) и не своему народу (русскому народу). Онъ преданъ той *совѣтской формѣ*, въ которой Россія страдаетъ и унижается вотъ уже тридцать лѣтъ; онъ преданъ той партійно-коммунистической «Совѣтчинѣ», которая гнететъ и вымариваетъ русскій народъ съ самаго начала революціи. Спросите этихъ людей, почему они не называютъ себя просто русскими патріотами? Почему они не именуютъ свое якобы любимое ими государство — Россіей? Почему они предоставляютъ это драгоцѣнное преимущество намъ, открыто называющимъ свое Отечество — Россіей, а себя — русскими? Куда и почему они сконфуженно прячутъ свое національное естество? Почему они провозгласили себя не сынами своей исторически великой родины, а приверженцами завладѣвшей ею и совѣтски оформившей ее — интернаціонально-коммунистической партіи?

Спросимъ себя еще: что значить выраженіе — «я есмь монархическій патріотъ»? Это ничего не значить; это — политически невѣжественный лепетъ.

Осмысленно сказать: «я есмь французскій патріотъ и притомъ республиканецъ»; тогда мы знаемъ, какого *народа* сынъ передъ нами, за какой *національный* интересъ онъ пойдетъ въ бой и какую государственную форму онъ считаетъ для своей Франціи наилучшей... Но предложите французу любить не Францію, а безнаціональную, интернаціональную и потому съ правильной точки зрѣнія французскаго патріота — предательскую «Совѣтію», — и онъ посмотритъ на васъ, какъ на безумца и будетъ правъ.

Что же означаютъ слова: «я — совѣтскій патріотъ»? Онѣ означаютъ, что *я преданъ Совѣтчинѣ* — совѣтскому государству, совѣтскому правительству, совѣтскому строю, — что бы за всѣмъ этимъ ни скрывалось и какая бы политика ни проводилась: русская, нерусская или противогосударственная, можетъ быть, гибельная для Россіи, несущая русскому народу порабощеніе и вымираніе, голодъ и терроръ.

«Совѣтскій патріотъ» преданъ *власти*, а не *родинѣ; режиму*, а не *народу; партіи*, а не *отечеству*. Онъ преданъ международной диктатурѣ, поработившей его народъ страхомъ и голодомъ, открыто отмѣнившей его сущую русскость и запретившей народу называться своимъ славнымъ историческимъ именемъ... Ибо Россіи давно уже нѣтъ въ Совѣтіи, ея имя офиціально вычеркнуто коммунистами изъ исторіи, и самое государство ихъ называется международно и анти-національно:

«Союзъ Совѣтскихъ Соціалистическихъ Республикъ» (см., напр., текстъ сталинской Конституціи 1936 года).

И вотъ совѣтскій патріотъ самимъ наименованіемъ своимъ отрекается отъ Россіи и русскаго народа и заявляетъ о своей приверженности и вѣрности — *не ему*. Онъ патріотъ международной *партіи*: онъ ей служить, онъ за нее борется, онъ ей обязуется повиновеніемъ. Самое названіе его содержитъ въ себѣ открытое, публичное отреченіе отъ Россіи и добровольное само-порабощеніе ея нерусской и противорусской диктатурѣ. Если это есть «любовь», то любовь не къ Россіи, а къ *международному коммунизму*; если это борьба, то борьба за упроченіе совѣтскаго рабства въ Россіи — борьба за погубленіе русскаго народа во имя международной коммунистической революціи; если это «вѣрность», то вѣрность Совѣтчинѣ и предательство по отношенію къ національной Россіи!

Ибо Совѣтское государство — не *Россія*, и Русское государство — не *Совѣтскій Союзъ*.

2. Совѣтское государство — не Россія.

Эту историческую и политическую истину надо понять и почувствовать разъ навсегда и до конца. Это должны сдѣлать прежде всего всѣ русскіе люди, а затѣмъ и всѣ народы вселенной. Продумать *нерусскость* Совѣтчины надо съ той послѣдовательностью и рѣшительностью, съ которой это сдѣлали сами коммунисты. А затѣмъ надо принять всѣ вытекающіе отсюда существенные выводы.

Когда въ разгаръ первой міровой войны въ Циммервальдѣ была принята пораженческая резолюція, когда послѣдовало исторически извѣстное соглашеніе между большевиками и германскимъ главнымъ штабомъ (см. честную и отвѣтственную книгу С. П. Мельгунова «Золотой <нѣмецкій> ключъ большевиковъ»), когда Владиміръ Ульяновъ по прибытіи въ Петербургъ объявилъ свою пораженческую и революціонно-коммунистическую программу, — то разрывъ между большевизмомъ и національно-исторической Россіей былъ уже свершившимся фактомъ. Этотъ разрывъ проявлялся во всемъ: и въ «Приказѣ № 1», и въ секретномъ потокѣ денегъ, и въ іюльскомъ возстаніи, и въ октябрьскомъ возстаніи; все это и многое другое являлось единой системой *противо-русской* политики, которая съ тѣхъ поръ ведется непрерывно *до сегодняшняго дня*. И когда въ 1922 году было наконецъ официально объявлено о переименованіи Россіи въ Союзъ Совѣтскихъ Соціалистическихъ Республикъ, то этимъ была только выговорена основная истина

совѣтскаго строя: Совѣтское государство — не Россія, а Русское государство — не Совѣтскій Союзъ.

Съ тѣхъ поръ коммунисты никогда и нигдѣ не называли своего государства *Россіей* и были въ этомъ правы. Съ тѣхъ поръ только наивные люди или же сознательные обманщики называютъ Совѣтскій Союзъ — Россіей, совѣтскій нажимъ и гнетъ — «русской политикой», совѣтскія международно-революціонныя интриги — «русской нелояльностью», совѣтскій шпіонажъ — «русской развѣдкой», совѣтскую манію величія — «русской заносчивостью», совѣтскіе територіальныя захваты — «русскимъ имперіализмомъ». И называя такъ, смѣшивая Совѣтскій Союзъ съ національнымъ Русскимъ государствомъ, они *обманываютъ* сами себя и всѣхъ другихъ, ослѣпляютъ своихъ парламентаріевъ, министровъ и дипломатовъ, навязываютъ имъ невѣрные сужденія, подсказываютъ имъ неосторожныя или просто гибельныя рѣшенія — и помогаютъ тѣмъ міровой революціи... А есть и такіе иностранные журналисты (изъ самыхъ глупыхъ или изъ самыхъ пролганныхъ), которые доселѣ повторяютъ при каждомъ неподходящемъ случаѣ, что политика III Интернаціонала есть не что иное, какъ «вѣковѣчная политика русскихъ царей». Но этихъ писакъ никто уже не научитъ ни нравственному стыду, ни политическому разуму — они такъ и сойдутъ со сцены клеветниками и обманщиками.

Итакъ, еще разъ: *Совѣтское государство — не есть Россія.*

Всѣ человѣческія общества, всѣ общественныя организациі опредѣляются той *цѣлью*, которой они служатъ. Это относится и къ корпораціямъ, и къ учрежденіямъ.

Такъ, обычный кооперативъ есть закупочный распредѣлитель. Но если онъ начинаетъ заниматься организацией грабежей и контрабанды, то онъ превращается изъ кооператива въ шайку разбойниковъ-контрабандистовъ; и тогда вывѣска «кооперативъ» становится маскировкой и ложью.

Фотографическое общество культивируетъ фотографію какъ технику и какъ искусство. Но если оно устраиваетъ подъ этимъ флагомъ «домъ свиданій» и торговлю живымъ товаромъ, то оно превращается въ темную банду и будетъ закрыто въ любомъ демократическомъ государствѣ.

Если университетъ начинаетъ заниматься торговой спекуляціей, то онъ уже не университетъ, а товарная биржа.

Спортивное общество, посвящающее себя революціонной пропагандѣ, есть не спортивное общество, а клубъ революціонныхъ заговорщиковъ.

Согласно этому, государство, не служащее благу своего народа, а злоупотребляющее его силами для «всемирной революции», не есть национальное государство, а организация извращенная и противонациональная. Это есть сообщество не лояльное, не патриотическое, а международно-революционное, *предательское* по отношению к своему народу и *заговорщическое* по отношению к другим национальным государствам.

И вот, советское государство уже тридцать лет не скрывает свою цель и свои основные задачи. Россия есть для коммунистов не больше, чем *плацдарм* для распространения революции во всем мире. Это есть укрепленный лагерь для революционных вылазок в другие страны. Это для них как бы стог сена или бочка дегтя для зажигания мирового пожара.

Россия есть для них *средство*, а не *цель* — орудие, которому предоставляется погибнуть в борьбе коммунистов за мировую власть и о котором не стоит жалеть. Советская власть не служит России, не печется о ней, не бережет ее культуру: она разрушает ее древние дивные храмы, она подавляет в ней свободную науку и свободное искусство, она замучивает ее национально мыслящую интеллигенцию, уничтожает ее трудоспособнейшие крестьянские силы и подвергает ее рабочий класс такой потогонной системе, о которой ни одно буржуазное государство и не слыхивало.

Ей нужна русская *территория*, ей необходимо русское *сырье*, ей нужна русская *техника*, ей необходима русская *армия* — для собственных целей, особых, не русских, внерусских, «международных», революционных. Именно на этих основаниях строится советская школа: чтобы дети от молодых ногтей готовились к участию в иноземных революциях. На этих же основаниях строится советская армия — тот паровой коток всемирной революции, советская промышленность — тот коммунистический арсенал против иноземной буржуазии, советская наука — это порабощенное гнездо экономического материализма и военной химии. На этих же основаниях строятся в Советии коммунистически порабощенные «рабочие союзы», поддельные «кооперативы», советский бюджет, изнасилованная литература, сервильное искусство, безсовестная пресса и, за последнее время, фальсифицированная церковь. Этому только и служит весь чудовищный механизм советской полиции, как бы она ни называлась — ЧК, ГПУ, НКВД, МВД, МГБ — и, наконец, мученические *концлагеря*, разбятые по всей стране...

Здѣсь нечего доказывать или оспаривать. Это надо только довести до сознанія, выговорить и представить на судъ совѣсти.

Додумаемъ же здѣсь все до конца.

3. О національной территоріи.

Основные элементы государства суть: территорія, власть, народъ и лояльность гражданъ.

И вотъ во всѣхъ этихъ элементахъ Совѣтскій Союзъ *не совпадаетъ* съ національной (при всей ея многонаціональности) Россіей. Напротивъ, онъ противостоитъ ей какъ принципиальный, послѣдовательный и губительный врагъ.

Начнемъ съ территоріи.

Совѣтскій Союзъ завладѣлъ русской національной территоріей и пользуется ею какъ своимъ земнымъ притономъ. Но это совсѣмъ не означаетъ, будто онъ принялъ русское территоріальное наслѣдіе, понимаетъ его смыслъ и его отвѣтственность и умѣетъ оберегать его. Русская государственная территорія есть для него не болѣе, чѣмъ поле для его коммунистическихъ опытовъ, которое онъ въ своемъ насытомъ властолюбіи стремится расширить на всю вселенную. Онъ не понимаетъ, что территоріи государствъ держатся ихъ *взаимнымъ признаніемъ*, что международныя отношенія покоятся на *правѣ* и на взаимномъ уваженіи, что презирающій чужія права будетъ однажды самъ лишенъ правъ, какъ это и случилось съ Гитлеромъ... Онъ не считается съ независимостью другихъ государствъ и съ самостоятельностью чужихъ территорій. Онъ вторгается въ чужіе предѣлы — и дипломатически, и подпольно злоупотребляетъ экстерриторіальностью своихъ нелояльныхъ дипломатовъ и *попираетъ* этимъ интересы національной Россіи: ибо онъ подрываетъ одной нелояльностью уваженіе другихъ государствъ къ русской національной территоріи и компрометируетъ наши территоріальныя права...

Кто сознательно нарушаетъ чужія права, тотъ подрываетъ и компрометируетъ свои собственныя. Кто создаетъ себѣ репутацію захватчика, тотъ вызываетъ другихъ на захватъ захваченнаго, да еще съ неограниченной прибавкою (срв. Германію послѣ первой міровой войны). Но важнѣе всего то, что Совѣты создаютъ такую репутацію не *себѣ*, а *Россіи*. Вся ихъ территоріальная и международная политика есть непрерывное компрометированіе русской національной государственности; они проматываютъ ея международный престижъ, они пачкаютъ по всему свѣту доброе имя Россіи, они создаютъ ей репутацію международного разбойника, для котораго хороши всѣ, даже самыя безчестныя и

свирѣпья средства. Совѣты внушаютъ всему міру вотъ уже тридцать лѣтъ, что Россія есть опаснѣйшій имперіалистъ, всемірный интриганъ, презритель международнаго права, саботажникъ мира и порядка...

А между тѣмъ — откройте протоколы Гаагскихъ конференцій, прослѣдите въ нихъ неуклонную линію миролюбія и человѣколюбія, которую вела императорская Россія, убѣдитесь въ томъ, что всѣ важнѣйшія предложенія, ведущія къ реальному замиренію міра, исходили отъ русской императорской власти (напр., проектъ Международнаго третейскаго суда или запрещеніе сбрасывать съ воздуха разрывные снаряды, предложенное Россіей еще при императорѣ Александрѣ II, въ 1868 году). Удостоверьтесь, какимъ авторитетомъ, какимъ престижемъ пользовалась національная Россія на этихъ конференціяхъ, какъ примирительно, какъ вѣско, какъ отвѣтственно, какъ юридически и политически продумано было каждое ея слово. Взвѣсьте это и поймите, что Совѣтскій Союзъ дѣлаетъ *обратное всему этому*, что международное наслѣдіе Россіи имъ отвергнуто и поругано.

Совѣтская власть презираетъ права другихъ государствъ. Она постоянно и вызывающе попираетъ ихъ и стремится завладѣть ихъ территоріями. Она считаетъ, что Совѣтскій Союзъ долженъ непременно, рано или поздно, экономическимъ подрывомъ, революціоннымъ разложеніемъ или оружіемъ, революціей или оккупаціей — *завоевать весь міръ* и превратить его въ единую интернаціонально-міровую тиранію. Совѣтская власть ставитъ всѣ остальные государства передъ выборомъ: или *революціонное разложеніе*, революціонный грабежъ и революціонная рѣзня — или же *война*. Можетъ быть прямое нападеніе Совѣтовъ (если они будутъ чувствовать себя лучше вооруженными и подготовленными), но можетъ быть и спровоцированное и вынужденное Совѣтами нападеніе другихъ державъ на Совѣтію — въ порядкѣ самообороны отъ непрерывнаго революціоннаго нападенія Совѣтовъ... Въ послѣднемъ случаѣ въ Совѣтіи поднимется агитаціонный вопль объ интервенціи, объ «имперіализмѣ буржуазныхъ государствъ», объ агрессивіи враговъ, о контрреволюціонномъ походѣ на невинную Россію и т. д., ибо тогда опять, какъ въ 1941—1945 годахъ, Совѣты вспомнятъ о Россіи и прикроются ея именемъ и ея интересомъ!

Вся политика Совѣтовъ такова: въ качествѣ революціонныхъ термитовъ развѣдать и крушить чужіе государственные дома и въ то же время увѣрять всѣхъ въ своемъ миролюбіи; подрывать чужую самооборону и объявлять ее «воинственной агрессивіей капитализма», а въ случаѣ войны поднимать русскій народъ на враговъ, взывая къ его патріотизму, къ его жертвенности, къ его святынямъ и къ его инстинкту національнаго

самосохраненія. Совѣты играютъ Россіей во имя всемірной революціи и губятъ милліоны русскихъ героевъ, ставя свой Союзъ въ опаснѣйшія международныя положенія и выдавая *свою* опасность за *общерусскую*.

И во всемъ этомъ — интересы совѣтскаго государства прямо противоположны интересамъ національной Россіи...

4. О завоеваніи міра.

Національная Россія нисколько не заинтересована въ томъ, чтобы вести кровавыя войны за не принадлежащія ей территоріи другихъ государствъ, или же въ томъ, чтобы завоевать весь міръ.

Чужія территоріи Россіи *не нужны*; наоборотъ, онѣ ей непосильны хозяйственно и политически, вредны національно, обременительны дипломатически и въ высшей степени опасны стратегически. А съ другой стороны, русская власть не нужна и не желанна другимъ народамъ — ни Польшѣ, ни Чехіи, ни Венгріи, ни Румыніи, ни Югославіи, ни другимъ. У другихъ народовъ *своя* культура, *свое* особое чувство права, *своя* вѣра и *свои* національные идеалы. Исторически и духовно очень важно, чтобы, съ одной стороны, *они* сохраняли свою свободную индивидуальность, и чтобы, съ другой стороны, *мы*, русскіе, берегли и развивали свою самобытность. Духовно и политически недопустимо и въ культурномъ отношеніи нецѣлесообразно, чтобы одинъ народъ подминалъ подъ себя другіе народы, навязывая имъ свои цѣли, свои порядки, свой языкъ, свою вѣру и свою культуру. Мы съ негодованіемъ относились къ подобнымъ попыткамъ со стороны Германіи. Но негодование наше никогда не объяснялось тѣмъ, что мы желали занять мѣсто національ-соціалистовъ и пустить русскій паровой катокъ по всей Европѣ и по другимъ материкамъ...

Мы признаемъ за другими народами — *идейно и принципиально* — ту свободу національной самоорганизации, которая необходима и самой Россіи; мы увѣрены въ томъ, что наше государство по возстановленіи своемъ не будетъ повторять своихъ прошлыхъ ошибокъ. Наши поколѣнія прожили XIX вѣкъ съ открытыми глазами и все время учились. Мы видѣли аннексию Польши и ея трагическія послѣдствія: Россія приобрѣла чуждую ей и не сливающуюся съ ней враждебную окраину, множество разсѣянныхъ по всей странѣ польскихъ патріотовъ, ненавидящихъ Россію (недруговъ и полузаговорщиковъ), не принимающихъ своей новой государственной принадлежности; рядъ кровавыхъ возстаній, опаснѣйшаго сосѣда въ лицѣ Германіи и въ довершеніе всего — репутацію европейскаго насильника... Зачѣмъ намъ все это?

Польша не нужна намъ какъ внутренній врагъ, но она нужна намъ какъ дружелюбный и довѣряющій намъ сосѣдъ, какъ культурный славянскій заслонъ, какъ союзникъ въ борьбѣ противъ германскаго имперіализма и какъ торговый рынокъ, а ея суверенная самостоятельность ничѣмъ не грозитъ намъ.

Грядущая національная Россія не будетъ повторять эту ошибку на своихъ окраинахъ. Она не будетъ окружать себя изнасилованными и по существу нелояльными провинціями. Она не будетъ наводнять свои пространства нелояльными гражданами, заклятыми внутренними врагами.

Что же касается завоеванія вселенной, то Россія никогда объ этомъ не помышляла и къ этому не стремилась. Она никогда не воображала, будто имѣетъ для всѣхъ народовъ единый «рецептъ счастья», единый социально-политическій штампъ, который она призвана навязать имъ, или единую властно-спасающую религію. Въ Россіи никогда не было той безумной самоувѣренности, той демонической гордыни, которая присуща необразованнымъ или полуобразованнымъ большевикамъ. Намъ не нужна «міровая власть». Боже, избави насъ отъ нея! И когда русскіе цари боролись за доступъ къ морямъ, то они добивались только свободного выхода и входа *въ свой собственный домъ*. Огромная континентальная страна не можетъ обходиться безъ моря и мореплаванія; и знаменитый планъ Густава Адольфа — отодвинуть Россію отъ моря и предоставить ей задохнуться въ глубинѣ Азіатскаго континента — будетъ неприемлемъ для *всякаго* русскаго правительства, республиканскаго или монархическаго. Россіи *необходимъ* путь къ морю — и въ этомъ весь смыслъ такъ называемаго «русскаго имперіализма». Безумно и лживо приписывать Новгороду, Ивану III, Ивану IV и Петру Великому совѣтоподобный имперіализмъ. Это есть великая историческая неправда.

Международная программа Россіи и международная программа Совѣтовъ *прямо противоположны*. И потому патріотически солидаризоваться съ одержимыми коммунистами — безумно и безответственно. Всѣ ихъ планы, затѣи и войны ничего Россіи не принесутъ, кромѣ крови, муки, вымиранія, униженій, разоренія, всеобщей ненависти и всеобщей мести. Они не только не возвеличатъ и не обогатятъ Россію, но могутъ привести къ ея раздѣленію и распаденію, къ утратѣ ею ея исконныхъ, исторически и государственно безспорныхъ вотчинъ.

Не будемъ наивны и ребячливы. Завоеваніе вселенной еще никогда и никому не удавалось: ни фараонамъ, ни персамъ, ни грекамъ, ни римлянамъ, ни туркамъ, ни арабамъ, ни французамъ, ни германцамъ...

И если совѣтчики-коммунисты могутъ разсчитывать въ этомъ дѣлѣ на что-нибудь *новое*, то развѣ только на *вселенскую деморализацію*, на безуміе атомныхъ бомбъ и на преступный режимъ тоталитаризма. Это разложеніе духа, это разрушеніе матеріи, это извращеніе политики можетъ дать имъ первоначальные кратковременные успѣхи — и тѣмъ глубже будетъ зато послѣдующее отрезвленіе человѣчества, и тѣмъ ужаснѣе будетъ расправа надъ ними... (Но разложеніе духа не будетъ ни всеобщимъ, ни длительнымъ; практика атомныхъ бомбъ, если она начнется, быстро отрезвитъ ожесточившееся человѣчество, а тоталитарный строй весь насыщенъ собственными противоядіями...)

Человѣчество не едино, а, слава Богу, многообразно. И потому оно нуждается не въ тоталитарной деспотіи, а въ правовой организаціи, свободной и лояльной. Великіе факторы пространства, времени, человѣческаго множества, расы, національной самобытности, личнаго инстинкта, стихійнаго свободолюбія, религіознаго разновѣрія, разноязычія и государственно-патріотическаго различія не допустятъ этого универсальнаго порабоженія даже и въ томъ случаѣ, если бы моральное разложеніе народовъ приняло временно характеръ «эпидеміи». Тотъ, кто борется за такое міровое злодѣйство — какой бы развратъ онъ ни распространялъ и какую бы партизанщину онъ ни насаждалъ по всѣмъ лѣсамъ и оврагамъ, — потерпитъ крушеніе, сосредоточитъ на себѣ всеобщую ненависть и вызоветъ наконецъ такую радикальную чистку, память о которой не угаснетъ въ человѣчествѣ никогда...

Спросимъ теперь: когда же и гдѣ національная Россія питала такіе безумные, такіе злодѣйскіе планы?

Никогда и нигдѣ! Зачѣмъ бы ей это нужно было? Для чего ей вызывать всемірную ненависть и сосредоточивать ее на себѣ? Нѣтъ, она заинтересована какъ разъ въ обратномъ. — Но она совсѣмъ не заинтересована и въ томъ, чтобы расплачиваться по счетамъ коммунистическо-совѣтскаго буйства. Она никогда не дѣлала ставки на вселенскую революцію. Не для того она посылала Суворова въ Италію; не для того она дралась при Бородинѣ и при Лейпцигѣ противъ Наполеона; не для того помогала Венгріи въ 1849 году. Она никогда не растила въ мірѣ моральное и политическое разложеніе. Она всегда отстаивала запрещеніе жестокаго оружія, она всегда искала всеобщаго замиренія и никогда не сулила народамъ тоталитарнаго строя...

Итакъ, національная Россія и Совѣтское государство — суть *политическія противоположности*.

Но что можетъ быть наивнѣе и глупѣе, какъ принимать начальныя и сравнительно кратковременныя успѣхи коммунистическаго имперіализма за дѣйствительныя и окончательныя успѣхи національной Россіи? Что можетъ быть глупѣе и легкомысленнѣе, какъ воображать, будто Совѣтія, превратившая русскій народъ въ орудіе и въ жертву всемірной революціи («погибни, но взбунтуй вселенную!»), пріобрѣтаетъ что-то для Россіи? Совѣтскій имперіализмъ имѣетъ совсѣмъ, совсѣмъ другой смыслъ. Выборгъ, Прибалтика, Бессарабія, Каре, Маньчжурія, проливы — нужны Совѣтамъ только для дальнѣйшаго завоеванія міра, для коммунистической диктатуры надъ народами. Поэтому они и пріобрѣтаются Совѣтами (если только дѣйствительно «пріобрѣтаются»...) безъ всякаго вниманія къ національнымъ интересамъ Россіи. Люди *катастрофическаго* уклада и образа мыслей, вышвырнутые изъ послѣднихъ щелей ада на кратковременное соблазненіе, развращеніе и наученіе народовъ, — они никогда не жили въ историческихъ потокахъ и интересахъ Россіи, они никогда не знали и не понимали ея исторіи. Россія для нихъ не болѣе, чѣмъ навозъ для всемірной революціи: истощится онъ — что же, они отыщутъ себѣ другую навозную кучу, Германію или Францію. Они послѣдовательныя и безжалостныя интернаціоналисты, доказавшіе это недвусмысленно за протекшія тридцать лѣтъ.

Именно поэтому имъ совершенно безразлично, что самый порядокъ ихъ захватовъ абсолютно вреденъ Русскому государству. Этотъ захватъ соблазномъ, разложеніемъ, обманомъ, революціей, насиліемъ и рѣзней вредитъ всякой будущей національной русской политикѣ, сѣетъ недоувѣріе, отвращеніе и ненависть къ ни въ чемъ не повинной Россіи и возстанавливаетъ противъ нея всю вселенную.

Вѣдь нужно быть законченнымъ слѣпцомъ, чтобы воображать, будто совѣтская оккупация или инфильтрація сдѣлала Русское національное государство чтимымъ или «популярнымъ» въ Финляндіи, Эстоніи, Латвіи, Литвѣ, Польшѣ, Галиціи, Австріи, Германіи, Чехіи, Венгріи, Румыніи, Болгаріи, Югославіи, Албаніи и Греціи; будто солдатскія изнасилованія женщинъ, чекистскіе аресты, увозы и казни, насажденіе политическаго доносительства, избіенія и разстрѣлы лидеровъ крестьянской и либеральной оппозиціи въ этихъ странахъ, пытки въ тюрьмахъ, концлагеря, фальшивыя голосованія, а также преднамѣренная повсемѣстная инфляція, всѣ эти имущественныя передѣлы, конфискаціи и социализаціи — привѣтствуются этими несчастными народами, какъ «заря свободы» или какъ «истинная демократія», какъ «желанныя дары» «великой

Россіи»... На самомъ же дѣлѣ въ этихъ странахъ сѣется дьявольское сѣмя и растетъ ненависть къ національной Россіи.

Міровое общественное мнѣніе доселѣ не научилось отличать совѣтское государство отъ національной Россіи и интернаціонально-коммунистическое правительство отъ замучиваемаго имъ русскаго народа. Все творимое Совѣтами вписывается въ воображаемый кондуитъ Россіи; всѣ «художества» и «качества» Совѣтской власти приписываются ей; и противъ нея накапливается все негодованіе другихъ народовъ. Ея неповинное имя клянуть на стогнахъ всего міра; ее воспринимаютъ нынѣ, какъ вселенскую язву; отъ нея ждутъ безчисленныхъ бѣдъ и страданій, третьей міровой войны и революціонныхъ преобразованій.

Мы, русскіе патріоты, скорбимъ объ этомъ вотъ уже тридцать лѣтъ, разоблачая повсюду эту ошибку и возстановливая правду: *совѣтское государство не есть національная Россія*. А совѣтскіе патріоты знаютъ эту правду не хуже насъ, видятъ истинное положеніе вещей и становятся на сторону Совѣтовъ, помогая имъ компрометировать, насиловать и губить національную Россію.

Но они губятъ не только Россію, они добровольно берутся обслуживать завоеваніе и погубленіе остального человѣчества, стараясь пріобщить его на дѣлѣ къ казнямъ и гнету высиженнаго въ Россіи тоталитарнаго коммунизма. И они могутъ быть увѣрены, что исторія по справедливости оцѣнитъ все — и ихъ добровольное самопорабощеніе, и ихъ внезапный восторгъ передъ Совѣтчиной, и ихъ фальшивый «патріотизмъ», и ихъ предательство по отношенію къ Россіи, и ихъ коварное и безчестное пятоколонство въ пріютившихъ ихъ демократическихъ государствахъ, гдѣ они сначала долгіе годы укрывались отъ Совѣтчины для того, чтобы стать теперь совѣтскими агентами...

5. О государственной власти.

Вторымъ основнымъ элементомъ государства является *власть*.

И вотъ, Совѣтская власть отнюдь не продолжаетъ дѣла русскаго національнаго правительства: она не приняла ни его наслѣдія, ни его традицій, ни его цѣлей, ни его способовъ управленія. Напротивъ, она растратила и погубила наслѣдіе Россіи, она попраала ея традиціи, отреклась отъ ея цѣлей и ввела свои, неслыханные въ исторіи способы управленія. Тотъ, кто любитъ Россію, можетъ только съ негодованіемъ и отвращеніемъ слѣдить за этимъ управленіемъ и никогда не станетъ «совѣтскимъ патріотомъ».

Совѣтская власть не приняла государственнаго наслѣдія императорской Россіи. Это наслѣдіе состояло, во первыхъ, въ обширныхъ кадрахъ государственно мыслящаго, опытнаго и честнаго чиновничества; во вторыхъ, въ ясныхъ, зрѣло продуманныхъ, ищущихъ справедливости и чтущихъ личное начало законахъ; въ третьихъ, въ системѣ учреждений, строившихъ русскую національную жизнь, особенно же въ первоклассномъ судѣ «скоромъ, гласномъ и справедливомъ». Все это достояніе вѣковъ и десятилѣтій погублено, поругано, отмѣнено и замѣнено поистинѣ кошмарными порядками...

О русскомъ чиновничествѣ императорскаго времени говорилось много ненавистнаго, вздорнаго и ложнаго, можетъ быть вѣрнаго для эпохи «Мертвыхъ душъ» Гоголя, но преодоленнаго за вторую половину XIX вѣка. Вотъ нѣсколько доказательствъ.

Въ 1911 году нѣмецкое Общество для изученія Восточной Европы испросило согласіе министра Кривошеина посѣтить Россію и ознакомиться на мѣстахъ съ ходомъ великой аграрной реформы П. А. Столыпина. Кривошеинъ сдѣлалъ непростительную ошибку и разрѣшилъ нѣмцамъ эту глубокую тыловую развѣдку. Она состоялась. Комиссія Общества во главѣ съ выдающимися нѣмецкими учеными Зерингомъ и Аухагеномъ объѣздила главные очаги разверстанія общины и переселенія въ Сибирь, вернулась въ Германію и доложила правительству Вильгельма II, что реформа производится *чрезвычайно успѣшно* и что *если дѣла въ Россіи пойдутъ въ такомъ порядкѣ, то черезъ 10 лѣтъ всякая война съ Россіей будетъ безнадежна*. Россія станетъ великой крестьянской демократіей и всякая революція и войны будутъ ей неопасны. Тогда въ Германіи было рѣшено готовить превентивное нападеніе на Россію къ 1914 году, о чемъ Государственная Дума была предупреждена однимъ изъ ея членовъ въ концѣ 1912 года. Въ своихъ докладахъ берлинскій профессоръ Зерингъ (одинъ изъ лучшихъ знатоковъ аграрнаго вопроса въ Европѣ) писалъ и говорилъ между прочимъ: «Реформа Столыпина проводится такимъ кадромъ чиновничества, которому могла бы позавидовать любая европейская держава, это всѣ люди честные, неподкупные, убѣжденные въ пользѣ реформы, опытные и знающіе»...

Тотъ, кто сколько-нибудь понимаетъ въ государственныхъ финансахъ, пусть вспомнитъ замѣчательную реформу денежнаго обращенія, столь успѣшно проведенную Витте — она могла удалиться только опытному, образованному и честному кадру россійскаго чиновничества.

Всѣ отрасли казеннаго хозяйства цвѣли въ императорской Россіи; русскія казенныя желѣзныя дороги были образцомъ для всей Европы;

винная монополія оправдала себя; государственное коннозаводство было на значительной высотѣ; судебные подкупы были неслышанны. Русская военная развѣдка, отнюдь не вовлекавшая въ свое дѣло частныхъ лицъ и свободныхъ гражданъ (какъ это дѣлается въ Европѣ), изумляла иностранцевъ своею освѣдомленностью: это она подготовила побѣдоносный Галиційскій походъ 1914 года; это она предупредила лорда Китченера о томъ, что его ждетъ гибель въ Сѣверномъ морѣ отъ нѣмецкой подводной лодки, что и свершилось, и т. д. А между тѣмъ ея вѣдомственное дѣло требуетъ, какъ извѣстно, полной неподкупности и самоотверженнаго патріотизма.

Позорная «сухомлиновщина» была въ Россіи скандальнымъ исключеніемъ.

Гдѣ нынѣ этотъ драгоцѣнный кадръ русской служилой интеллигенціи? Онъ вымеръ отъ голода, разстрѣлянъ «чрезвычайкой», умученъ въ концлагеряхъ или же угасъ въ эмиграціи. И европейскіе державы и народы должны помнить, что ихъ интеллигенціи готовится *та же участь*, что теперь уже поняли въ Венгріи, Румыніи и Югославіи...

Было бы неумно, неправдиво и государственно вредно идеализировать дореволюціонную Россію. Мы этого не дѣлаемъ, мы ищемъ для нея только справедливости и историческаго пониманія.

Въ XIX вѣкѣ русскій народъ, оглушенный вѣками необходимой самообороны, поглощавшей все его силы и не дававшей ему времени для спокойнаго, творческаго устроенія своей жизни, пришелъ въ себя и, ведомый своими государями, собралъ и систематизировалъ свои законы (дѣло и традиція Сперанскаго), подготовилъ кадры своей интеллигенціи (дѣло пушкинскаго генія и славныхъ русскихъ университетовъ), освободилъ крестьянъ (дѣло Александра II и Милютина), обновилъ и устроилъ свой судъ и приступилъ къ ряду либерально-демократическихъ реформъ (начиная отъ всеобщей воинской повинности и кончая народнымъ представительствомъ). Ему оставалось еще многое сдѣлать, но это многое (отъ односторонней сѣти народныхъ школъ для всеобщаго образованія до плановъ индустриализаціи страны и широкаго желѣзнодорожнаго строительства, доселѣ не осуществленнаго коммунистами), было уже обдуманно или начато, или же находилось въ полномъ развитіи...

Намъ нечего идеализировать. Намъ не къ чему хвастать. Но мы можемъ спокойно утверждать, что русское государственное право было прекрасно и зрѣло продумано, что русскій Уставъ Уголовнаго Судопроизводства можетъ потягаться съ любымъ европейскимъ уставомъ; что русскій судъ былъ на очень большой высотѣ — и по кадру судей, и по уровню адвокатуры, и по своей скорости, и по своимъ творческимъ

тенденціямъ; что кассационныя рѣшенія русскаго Сената представляютъ собой замѣчательный въ исторіи человѣчества многотомный памятникъ юридически утонченнаго, христіански настроеннаго и справедливаго правотворчества; что русскіе города и земства имѣютъ огромныя культурныя заслуги; что русскіе университеты являлись во многихъ отношеніяхъ европейски образцовыми академіями; что русская медицина съ ея вчувствующимся, индивидуализирующимъ діагнозомъ, «органическимъ» лѣченіемъ и матеріальнымъ безкорыстіемъ была русской національной гордостью; что русскій солдатъ совмѣщалъ свою образцовую храбрость съ личной инициативой въ бою; что русское искусство (народная пѣсня, доселѣ неизвѣстная Западу во всей ея оригинальности, русская музыка, оперное пѣніе, живопись, скульптура, архитектура, театръ, танецъ, поэзія и вообще изящная словесность) — что все это шло свободными и самобытными путями и достигало истинной художественной высоты; что русская общественная благотворительность можетъ быть сравнена только съ американской.

И все это росло и выросло *органически*, вмѣстѣ съ самимъ русскимъ народомъ какъ *его собственная культура*, какъ его собственная жизненная форма, подсказанная ему духомъ его религіозной вѣры (православіе) и его національнымъ самочувствіемъ...

Гдѣ нынѣ все это наслѣдіе русской національной исторіи? Гдѣ эти творческія традиціи? Все разрушено, попрано, угашено, поругано. Большевики отвергли все это наслѣдіе и погубили его. Имъ нужно было другое, совсѣмъ другое: антинаціональное, интернаціональное устройство, превращающее Россію въ орудіе и въ жертву всемірной революціи.

Имъ нужно было *тоталитарное государство*, способное завоевать вселенную для социализма. Имъ нужно было превратить Россію въ арсеналъ міровой революціи, а русскій народъ въ нищее, зависимое, застрашенное и обезличенное стадо, готовое, подобно стаду бизоновъ въ преріи, ринуться впередъ — на другіе народы — и растоптать ихъ некоммунистическую культуру... Но пусть они помнятъ: это имъ не удастся, имъ предстоитъ великое крушеніе!

И вотъ во всей русской исторіи не было момента, не было такого князя или государя, не было такого политика, который замышлялъ бы нѣчто подобное и *такъ* опредѣлялъ бы назначеніе русскаго народа.

Эта чудовищная политика — эти безобразныя цѣли, эти жестокія и губительныя средства, — все это *впервые* всплываетъ не только въ исторіи Россіи, но и во *всемірной* исторіи. И русскій народъ къ этому *не причастенъ* и въ этомъ *не повиненъ*, онъ *не творецъ*, а *жертва* этой политики. И самая идея этой всемірной коммунистической революціи

возникла не въ Россіи, а *на Западѣ*, она была формулирована *Марксомъ и Энгельсомъ*, не знавшими Россіи; она была придумана въ Западной Европѣ, а Россія имѣла великое несчастіе стать ея первымъ опытнымъ полемъ.

Смотрите же: съ самыхъ первыхъ дней русской революціи эта гибельная затѣя стучалась въ двери Запада; она стремилась туда, откуда вышла, въ ту среду крупно-промышленнаго капитализма, для которой она была изобрѣтена... Нынѣ сроки приблизились, и она уже вломила въ малыя государства Восточной Европы.

6. О русскомъ народѣ.

Русскій народъ былъ доселѣ *дѣятельнымъ субъектомъ* своей исторіи, а не замученнымъ и поработаннымъ *объектомъ, орудіемъ* чуждаго ему міроваго злодѣяства. Онъ жилъ, а не погибалъ, творилъ, а не пресмыкался.

Россія никогда не была тоталитарнымъ государствомъ: она никогда не обезличивала своихъ гражданъ; она никогда не подавляла ихъ творческой инициативы; она никогда не покушалась погасить въ нихъ инстинктъ личнаго самосохраненія, какъ и стимулъ хозяйственнаго труда. Она никогда не отмѣняла частной собственности, она никогда не стремилась отнять у своихъ гражданъ религіозную вѣру, силу личнаго сужденія и самостоятельность воззрѣній, она никогда не хотѣла превратить русскихъ людей въ голодныхъ, полураздѣтыхъ застрашенныхъ рабовъ, спасающихъ свою жизнь ложными доносами на своихъ неповинныхъ сосѣдей; она никогда не воображала, что все русское хозяйство можно превратить въ бюрократическую машину, а всю русскую культуру подчинить тираніи единаго центра. Напротивъ, русское правительство въ его христіанской установкѣ знало, что *личное начало* имѣетъ *религіозно-непререкаемое значеніе* и что поэтому оно должно быть призвано и въ государственномъ порядкѣ, и въ хозяйствѣ. (Стоитъ только вспомнить русское національное воззрѣніе на солдата, выдвинутое Петромъ Великимъ, усвоенное отъ него Минихомъ и практически развернутое Суворовымъ: солдатъ есть индивидуальный воинъ, въ которомъ надо чтить безсмертную, патріотически-отвѣтственную душу и воспитывать духовную личность — патріотическую, сознательную и инициативную. Въ этомъ замыслѣ живетъ дыханіе восточнаго православія, сказавшееся въ ту эпоху, когда почти всѣ европейскія арміи, а особенно прусская, придерживались палочной дисциплины).

Понятно, что самая идея тоталитарного строя не могла зародиться въ національной Россіи.

Уже самое необозримое російское пространство исключало ея появленіе. Эта идея могла зародиться только въ эпоху всепреодолюющей техники: телефона, телеграфа, свободного воздухоплавания, радиоговоренія. Она и родилась только во время настоящей революціи какъ злоупотребленіе этой техникой, впервые позволившее создать *такую* централизацію и *такую* всепроникающую государственность, которая ждетъ нынѣ только технически и политически организованнаго дальновидѣнія и дальнослышанія, чтобы сдѣлать свободную жизнь на землѣ *совершенно невозможной*.

Надо представить себѣ, что еще 50 лѣтъ тому назадъ государственный курьеръ въ Россіи скакалъ изъ Иркутска въ Петербургъ *полтора мѣсяца* на лошадахъ и столько же на обратный конецъ... А изъ Якутска? А изъ Владивостока? Уже послѣ постройки Сибирской магистрали, законченной въ 1906 году, почта шла изъ Москвы во Владивостокъ *двѣнадцать съ половиною* сутокъ. А по радио въ Россіи заговорили только передъ самой революціей, во время войны, и то только для военныхъ надобностей... Вотъ почему самая мысль о тоталитаризмѣ не могла прійти въ голову *никому*.

Идея тоталитарного строя не была бы ни принята, ни осуществлена въ національной Россіи. Она по самому существу своему органически противна русскому народу, и притомъ въ силу многихъ существенныхъ основаній.

Во первыхъ, въ силу христіанской вѣры въ свободную, безсмертную и нравственно-отвѣтственную личную душу; во вторыхъ, въ силу русской національной вольнолюбивости и въ силу инстинктивной приверженности русскаго человѣка частной хозяйственной инициативѣ; въ третьихъ, въ силу пространственнаго и національнаго многообразія Россіи, въ силу ея религіозной, бытовой и климатической многовидности. Измѣнить, или запретить, или сломать все это — могло прійти въ голову только безумнымъ доктринерамъ отъ марксизма, никогда не знавшимъ и не любившимъ Россіи. А русскій человѣкъ всегда цѣнилъ личную самостоятельность и всегда предпочиталъ строиться безъ государственной опеки. Онъ всегда былъ готовъ оградить свою свободу уходомъ въ лѣса или степи. Онъ всегда противопоставлялъ государственной строгости мечту объ анархической свободѣ.

Есть предразсудокъ, будто Россія исторически строилась изъ государственнаго центра, его приказами, запретами и произволеніемъ. Съ этимъ предразсудкомъ давно пора покончить. Въ дѣйствительности

русскій государственный центръ всегда *отставалъ* отъ народнаго исторически-инстинктивнаго «разлива», оформляя уже состоявшіеся процессы. Государство *собирало* то, что народъ *самочинно* намѣчалъ, начиналъ, осуществлялъ и строилъ. Народъ «растекался» (слово, употребленное и Ключевскимъ, и Шмурло) — государство закрѣпляло. Народъ творилъ — государство организовывало. И вотъ уже это государственное оформленіе и закрѣпленіе, эту организацію, народъ принималъ далеко не всегда охотно и совсѣмъ не всегда покорно.

Историческая Россія росла народнымъ починомъ: крестьянскими заимками, предприимчивымъ промысломъ, непосѣдливостью новгородской и псковской вольницы, миссіонерскимъ и монастырскимъ подвигомъ, свободнымъ расселеніемъ и переселеніемъ, вольнолюбіемъ людей бѣглыхъ, скитаніемъ «людей вольныхъ и гулящихъ» (терминъ лѣтописи), казачьими походами и поселеніями, торгово-купеческими караванами по рѣкамъ и дорогамъ... Здѣсь не о чемъ спорить, и всякій, кто хоть сколько-нибудь знаетъ исторію русскихъ «окраинъ» («украинъ»), подтвердитъ немедленно мои формулы.

Двѣ силы строили Россію: *даровитый инициативный народъ и собирающее государство*. Кто заселилъ пространства русско-европейскаго Сѣвера? Кто первый двинулся въ сибирскую тайгу? Кто заселялъ пустовавшую Малороссію? Кто первый началъ борьбу съ турками за выходъ къ Черному морю? Борьбу за Азовъ? За Предкавказье?

И никто и никогда не думалъ о тоталитарности... И самая опричина Иоанна Грознаго была лишь малою, хотя и свирѣпою, дружиною, тонувшей въ необъятной всероссійской «земщинѣ» съ ея особой жизнью, самостоятельнымъ чиновничествомъ и вольной казачиной (Ермакъ и Сибирь). И даже тиранія курляндскаго конюха (Биронъ) съ ея холопскимъ режимомъ доносовъ и пытокъ — никогда не питала тоталитарныхъ замысловъ. А весь сословно-крѣпостной строй, который не кто иной, какъ Ключевскій, признаетъ тяжелымъ, но справедливымъ, покоился именно на истребованіи государствомъ отъ частно-инициативно-трудящагося населенія извѣстныхъ взносовъ, повинностей, услугъ и жертвъ, необходимыхъ для національнаго спасенія. Говорить здѣсь о тоталитарномъ строѣ можно только отъ невѣжества и верхоглядства. Безспорно, крѣпостное право было длительнымъ и тягостнымъ проявленіемъ, но не слѣдуетъ забывать, что *почти половина русскаго крестьянства совсѣмъ не знала* крѣпостнаго состоянія, ибо въ моментъ освобожденія (1861) Россія насчитывала 10,5 милліона крѣпостныхъ крестьянъ, 1,5 милліона дворцовыхъ и удѣльныхъ и 10 милліоновъ госу-

дарственныхъ, т. наз. «казенныхъ» (считая «ревизскія души» мужского пола).

Русская историческая государственная власть подлежитъ, какъ и всякая другая власть, критикѣ, а не клеветѣ. Она дѣлала ошибки. Гдѣ и какая власть ихъ не дѣлала? Она не всегда справлялась со своими задачами — огромными, претрудными, исторически осложненными, какъ ни у одного другого государства. Объ этихъ заданіяхъ западныя государства и политики не имѣютъ конкретнаго представленія, ибо они не знаютъ нашего *климата* и нашей *береговой линіи*; они не представляютъ себѣ нашего *пространства*; они не понимаютъ бремени нашей *многонаціональности*; не разумѣютъ наслѣдія нашего *двухсотпятидесятилѣтняго ига*, коимъ Россія спасала Европу отъ монголовъ, сама отставъ отъ цивилизаціи на два вѣка; они не знаютъ, въ какія непрестанныя оборонительныя войны вовлекало насъ наше равнинное положеніе безъ естественныхъ защитныхъ границъ; они не знаютъ, что Россія вынуждена была провоевать въ *порядкѣ обороны* (по точной статистикѣ) *два трети своей жизни* (изъ каждаго *трехъ лѣтъ* исторіи — *два года* на оборонительную войну).

Передъ лицомъ такихъ непомѣрныхъ задачъ, чтобы не расплыть государственную волю, чтобы не осложнять и не замедлять ея вѣчно спѣшное образованіе (ибо событія всегда торопили, и оборонительная война слѣдовала за войной), русская историческая государственная власть должна была строить государственный центръ *авторитарно* (по русскому историческому выраженію, «самодержавно»), а не *демократически*. Она хорошо понимала то, что только что отчетливо формулировалъ великій полководецъ нашихъ дней Эйзенхауэръ: «демократія никогда не бываетъ готова къ войнѣ». Но понимая это и не отдавая историческую самооборону Россіи на голосованіе народа, русская національная власть никогда не помышляла о тоталитарности и всегда оставалась вѣрна національнымъ цѣлямъ.

Именно въ этомъ, основномъ и существеннѣйшемъ Совѣтская власть есть ея прямая и полная противоположность.

Но есть еще одинъ предрасудокъ, мѣшающій пониманію Россіи: будто она сама не знала *самоуправленія* и строилась *исключительно авторитарной бюрократіей*. Этотъ вредный предрасудокъ тотчасъ же разсѣивается при изученіи нашего прошлаго.

Однажды русская исторія будетъ написана какъ *исторія русскаго самоуправленія*, начиная отъ вѣча, избиравшаго и удалявшаго князей, и кончая земствомъ и Государственной Думой. Кто всматривался и вдумывался въ русскую исторію, тотъ знаетъ, что государственный центръ

Россіи всегда изнемогалъ подъ бременемъ главныхъ, неотложныхъ задачъ и всегда стремился организовать на мѣстахъ передовое и всякое другое самоуправленіе, чтобы *разгрузить себя для дальнѣйшаго*. По мѣрѣ того, какъ народное правосознаніе зрѣло, выборное самоуправленіе все расширяло и расширяло свой объемъ. И въ началѣ двадцатаго вѣка, передъ самой революціей, *самодѣятельность народа* стала главной формой культурной жизни въ Россіи.

Прежде всего въ Россіи господствовала *свобода вѣроисповѣданія*, формулированная въ статьѣ 67-й Русскихъ Основныхъ Законовъ. Она предоставлялась и христіанамъ, и магометанамъ, и евреямъ, и караимамъ, и ламаитамъ, и «язычникамъ» съ такимъ обоснованіемъ: «Да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога Всемогущаго разными языки по закону и исповѣданію праотцовъ своихъ, благословляя Россійское Государство и его верховную власть и моля Творца вселенной о умноженіи, благоденствіи и укрѣпленіи духовной силы Русскаго Народа». А народы Европы знаютъ слишкомъ хорошо, какое значеніе имѣетъ свобода вѣроисповѣданія какъ основа истинной демократіи.

Итакъ, самоуправленіе цвѣло въ предреволюціонной Россіи.

Избиралась Государственная Дума и часть Государственнаго Совѣта; свободно самоорганизовывались лояльныя (т. е. нереволуціонныя) политическія партіи; самоуправлялись православные приходы; церковная самодѣятельность была предоставлена и инаковѣрнымъ исповѣданіямъ, притомъ примѣнительно къ ихъ индивидуальнымъ особенностямъ (Сводъ Законовъ Россійской Имперіи, томъ 11); цвѣли Земства и Города (Сводъ, томъ 2), самочинно сложившіеся во всероссійскіе союзы; самоуправлялось дворянство, купечество, мѣщанство (Сводъ, томъ 9); свое особое самоуправленіе имѣли крестьянскія общины, села и волости (Сводъ, томъ 9 и Особое Приложеніе къ нему); свое самоуправленіе имѣли казачьи станицы и войска (Сводъ, томъ 9); избирались мировые судьи (томъ 16) и народные судьи (томъ 2); особое самоуправленіе имѣли какъ осѣдлые, такъ и кочевые малые народы («Родовыя Управленія» и «Степныя Думы», томы 2 и 9); адвокатское «сословіе» имѣло свои избираемые Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ (томъ 16); свою автономію имѣла Академія наукъ, а также высшія учебныя заведенія (томъ 11); по всей Россіи развивалось свободное кооперативное движеніе со своими областными съѣздами и всероссійскимъ центромъ; свободно развивалась и цвѣла исконная русская форма артели (кустарныя, промысловыя, биржевыя, разсылныя, вокзальныя и т. д.); свободно возникали и жили всевозможныя частныя общества (научныя, литературныя, спортивныя, фотографическія, общества купе-

ческихъ приказчиковъ и др.); свободно слагались всевозможныя хозяйственныя товарищества и акціонерныя компаніи; по частной инициативѣ и на частныя средства созидались всевозможныя низшія, среднія и высшія учебныя заведенія, дополнявшія собою основную образовательную сѣть — казенную, городскую, земскую и церковную... Къ возрожденію свободной Соборности шла православная церковь. За свободу боролись и уже достигали ея рабочіе союзы...

И все это была одна естественная и необходимая школа государственнаго самоуправленія. Конечно, все это такъ или иначе оформлялось или даже контролировалось государственнымъ центромъ. Но въ какихъ же странахъ было и нынѣ есть иначе? Вѣдь это только русская интеллигенція по своей неопытности воображала, будто въ западныхъ демократіяхъ все это слагается беззаконно и безконтрольно...

Русскій народъ жилъ передъ революціей какъ великій свободный организмъ, но *не понималъ* этого; а понялъ только теперь. А между тѣмъ этому организму предстояла тогда еще большая свобода дыханія и труда.

А теперь?

Коммунисты пресѣкли народное творчество, подавили народный починъ, убили частную инициативу. Они заглушили національный инстинктъ самосохраненія, навязывая ему чужую, дикую цѣль міровой революціи, и взываютъ къ нему только въ часъ великой военной опасности... У нихъ антинациональная власть стала *всѣмъ*, а личность и народъ — *ничѣмъ*.

Ничѣмъ, или политической соломой, которую можно жечь безответственно, безпрепятственно и неограниченно въ революціонной ночи. Этотъ процессъ *растраты* русскаго народа, извода населенія голодомъ, холодомъ, ссылками, непосильнымъ каторжнымъ трудомъ въ концентраціонныхъ лагеряхъ и прямыми казнями длится вотъ уже тридцать лѣтъ...

Вотъ доказательства.

По всенародной переписи 1897 года Россія въ тогдашнихъ предѣлахъ своихъ насчитывала свыше 128 милліоновъ жителей. Ея нормально-средній годичный приростъ населенія составлялъ до революціи, — а по утвержденію коммунистовъ, составляетъ и нынѣ — плюсъ 17 человекъ на каждую тысячу населенія. Согласно этому ея населеніе исчислялось официально къ 1914 году въ 167 милліоновъ, а къ 1918 году, за вычетомъ военныхъ потерь первой міровой войны (невступно 2 милліона), въ 175 милліоновъ приблизительно. Русскіе статистики исчисляли, что при сохраненіи этого прироста русское населеніе должно

къ 1941 году удвоиться по сравненію съ 1897 годомъ и составлять около 257,5 милліона гражданъ обоого пола.

Но въ концѣ первой міровой войны отъ Россіи отпали цѣлыя страны и области съ населеніемъ въ 29 милліоновъ людей; и Совѣтская власть приняла Россію въ 1918 году съ населеніемъ приблизительно въ 146 милліоновъ гражданъ.

Показуемый Совѣтами нормальный приростъ долженъ былъ бы дать къ началу второй міровой войны плюсь 50 милліоновъ людей; иными словами, послереволюціонная Россія должна была бы имѣть къ 1939 году не менѣе 196 милліоновъ населенія. Между тѣмъ статистическая машина Сталина насчитала послѣ аннулированія имъ не угодившей ему переписи 1937-го (показавшей по предварительному подсчету невступно 160 милліоновъ жителей!..) и по его повторному категорическому приказу 170 милліоновъ людей.

Это означаетъ, что революція погубила въ Россіи за первые 22 года по ея собственному подсчету *не менѣе двадцати шести милліоновъ жизней...*

Тутъ все: и политическіе разстрѣлы, и трехлѣтняя гражданская война (1918—1921); и связанная съ ней эпидемія; и тамбовское возстаніе Антонова; и казни Бела Куна въ Крыму (1920—1921); и голодъ (1920—1921); и гибель безсчетныхъ безпризорныхъ дѣтей, число которыхъ сама Крупская исчисляла милліонами; и многолѣтній нажимъ на крестьянство; и коллективизація 1929—1933, погубившая около 600 000 зажиточныхъ крестьянскихъ семей; и страшный голодъ 1932—1933 года; и безчисленныя «малыя» возстанія по всей странѣ, заливавшіяся кровью; и «хозяйственная система» концентраціонныхъ лагерей (ГУЛАГ); и постройка Бѣломорскаго канала; и Соловки съ отданными на замерзаніе священниками и вѣрующими всѣхъ исповѣданій; и «набатная» индустриализація, не подготовившая Россію къ германскому вторженію, и чистка въ Красной Арміи, и эмиграція...

Съ тѣхъ поръ разразилась вторая міровая война, искусно спровоцированная Сталинымъ черезъ союзъ съ Гитлеромъ — союзъ, развязавшій руки этому послѣднему.

До четырехъ милліоновъ русскихъ плѣнныхъ было погублено нѣмцами голодомъ и холодомъ во внутреннихъ германскихъ лагеряхъ. Неисчислимы депортированные нѣмцами «восточные рабочіе», которые голодали и умирали на принудительныхъ работахъ. Неисчислимы убитые нѣмцами въ Россіи русскіе въ качествѣ «заложниковъ». *Семь милліоновъ* павшихъ показала, явно преуменьшая, совѣтская власть. Неисчислимы русскіе люди, разстрѣлянные въ Россіи отрядами совѣт-

скаго НКВД во время реокупаціи за мнимую «коллорацію» съ германцами. Исчезли изъ Крыма ликвидированные Совѣтами татары (около 150 000). Исчезли съ Кавказа карачаи (около 16 000); исчезли съ Кавказа чеченцы (около 200 000) и ингуши (около 50 000). Исчезли нѣмцы Поволжья (около 200 000). Всѣ эти малые народы Россіи были частью перебиты, частью сосланы въ суровую Сибирь на принудительныя работы за то, что они ждали отъ германцевъ освобожденія изъ коммунистическаго рабства...

И въ довершеніе всего — вѣчно пополняясь, стонутъ *десятимилліонныя* всероссійскіе концентраціонныя лагеря, куда свободный человѣкъ не имѣетъ доступа, откуда не бываетъ ни писемъ, ни извѣстій и гдѣ заключенные живутъ въ среднемъ не больше *восьми мѣсяцевъ*... Совѣтская власть рѣшительно предпочитаетъ бесплатнаго раба, заключеннаго на смерть, — свободному гражданину, проклинающему коммунизмъ хотя бы и шепотомъ.

И вотъ русскій народъ, эта живая творческая основа Россіи, — растрачивается, вымаривается, изводится Совѣтскимъ государствомъ; и притомъ не въ силу недосмотра или неумѣнія, а *въ силу системы*, обдуманно и преднамѣренно: Совѣтской власти нужны покорные рабы и не нужны люди съ собственной мыслью, съ національнымъ сердцемъ, съ самостоятельной волей и съ вѣрой въ Бога. Тридцать лѣтъ длится эта злодѣйская чистка: въ Россіи «вычищаютъ» ея лучшихъ людей, чтобы ихъ и званія не осталось. Въ этомъ сущность совѣтской политики, на этомъ строится Совѣтское государство — на погубленіи «некоммунистически мыслящихъ гражданъ».

Люди всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ должны быть увѣрены въ томъ, что и имъ готовится та же участь въ случаѣ, если Совѣты побѣдятъ въ міровомъ масштабѣ.

7. О русской національной лояльности.

Всякое государство строится на лояльности своихъ гражданъ, т. е. на ихъ готовности повиноваться законамъ и указамъ, платить налоги и служить въ арміи своей страны. Колеблется эта лояльность — и государство теряетъ свою живую духовную державу, свою волевою спайку; тогда ему не на чемъ держаться и оно распадается.

Историческая судьба Россіи была необычайно тяжела: открытая равнина, суровый климатъ, татарское иго, длившееся 250 лѣтъ, безконечныя вторженія сосѣдей съ сѣверо-запада, юга и юго-востока, отрѣзанность отъ морей, отставаніе въ цивилизаціи и техникѣ... Исторія

Россіи есть сплошной потокъ труда, разоренія, борьбы, новаго созиданія, новаго разоренія, жертвъ и страданія — непрерывный процессъ борьбы за національную свободу. И все это преодолѣвалось. Всѣ бремена принимались и неслись народомъ. Россія хранила свою національную независимость и свою самобытную религіозную культуру, оборонялась, росла и постепенно догоняла сосѣдей въ цивилизаціи. А это означаетъ, что у русскаго народа былъ *здоровый государственный инстинктъ*, что русская національная лояльность имѣла живыя и глубокія основы.

На чемъ же строилась она? Чѣмъ держалась Россія?

Она строилась на *инстинктѣ національнаго самосохраненія*, принимавшемъ формы русскаго самосознанія, націонализма и патриотизма.

Она строилась на православной вѣрѣ въ Бога и въ Христа, Сына Божія, — эта вѣра учила любви, смиренію, долготерпѣнію и жертвенности, она крѣпила въ душахъ здоровое *чувство ранга* и готовность повиноваться *благовѣрной власти*, связанной съ народомъ *единой вѣрой и присягой*.

Русская народная лояльность строилась на любви къ царямъ и на *довѣрѣи* къ ихъ доброй и справедливой волѣ.

Она строилась на личной, христіански укрѣпляемой и покаяніемъ очищаемой *совѣсти*.

Она строилась на здоровомъ чувствѣ национальной, сословной и личной *чести*.

На *семейномъ началѣ* съ его инстинктивными и духовными корнями.

На *частной собственности*, передаваемой по наслѣдству «въ родъ и родъ», и на связанной съ нею свободной хозяйственной инициативѣ, на мечтѣ честнымъ трудомъ создать своимъ потомкамъ лучшую жизнь.

Что же изъ всего этого было признано и соблюдено революціей?

Ничего.

Въ теченіе 24 лѣтъ коммунисты насаждали *интернационализмъ* и старались погасить въ русскомъ народѣ національное чувство и патриотизмъ, они спохватились лишь въ 1941 году, когда было уже поздно и они увидали, что русскіе солдаты не желаютъ драться за интернациональную Совѣтчину; и они терпятъ русскій націонализмъ лишь въ мѣру его воинской полезности.

Въ теченіе 26 лѣтъ они *гасили вѣру*, разрушали церкви, истребляли пастырей, губили вѣрующихъ; они позвали православную Церковь на помощь лишь въ 1943 году и обѣщали ей терпимость въ мѣру ея безпре-

кословной покорности и соучастія въ разложеніи и завоеваніи вселенной, — съ тѣмъ, чтобы лѣтомъ 1947 года снова объявить, что «священникъ есть заклятый врагъ Совѣтскаго государства» и что «религіозно-вѣрующій не можетъ быть лояльнымъ совѣтскимъ гражданиномъ»...

Они принципиально замѣнили *любовь* — классовой, а потомъ и всеобщей ненавистью; *смирение* — революціоннымъ самоуниженіемъ и гордыней.

Они поправили и опрокинули драгоценное *чувство ранга*, воспитанное столѣтіями, ругаясь надъ лучшими людьми и выдвигая наверхъ худшихъ: невѣжественныхъ, свирѣпыхъ, карьеристовъ, продажныхъ, болтуновъ, подхалимовъ, лишенныхъ совѣсти и самостоятельной силы сужденія.

Они замѣнили *благовѣрную власть* — безбожной тираніей и сдѣлали все, чтобы внушить народу, что новая власть не имѣетъ ни доброй, ни справедливой воли.

Они попираютъ вотъ уже тридцать лѣтъ *чувство личного достоинства и чести* терроромъ, голодомъ, доносами и казнями.

Они сдѣлали все, чтобы разложить *семью*, подорвать ея корни и размножить въ странѣ безпризорныхъ дѣтей, изъ которыхъ она потомъ вербовала своихъ агентовъ.

Они отмѣнили *частную собственность* и задушили *хозяйственную инициативу*.

И все это они дѣлали въ порядкѣ вызывающаго экспериментированія, безъ жалости, безъ ответственности, явно рассчитывая на неисчерпаемое долготерпѣніе и великую жертвенность русскаго народа...

На чемъ же они сами построили новую «совѣтскую» лояльность?

На *всеобщей нищетѣ коммунизма*, на вытекающей отсюда повальной зависимости всѣхъ отъ одной партіи, отъ тоталитарной власти, на социалистической монополіи государственнаго работодателя. Слѣдовательно, на *хозяйственномъ порабощеніи народа*. Это превратило русскую историческую лояльность совѣсти, чести и сердца — въ вынужденную *рабскую покорность*, въ еженощный трепетъ голоднаго человѣка за себя и за свою семью.

Эту покорность они закрѣпили всеобщимъ *политическимъ шпионствомъ* и принудительными *доносами* гражданъ другъ на друга. Мѣра активнаго доносительства стала для нихъ мѣрою преданности Совѣтскому государству; и тотъ, кто не боится участіемъ въ политической агентурѣ, тотъ обреченъ. Отъ кого не поступаетъ доносъ, тотъ считается нелояльнымъ и становится кандидатомъ въ конц-

лагерь; но это не значить, что всякій доносчикъ застрахованъ отъ ссылки или разстрѣла... Этимъ они подорвали всякое уваженіе и довѣріе въ странѣ — и взаимное между гражданами, и въ отношеніи къ тиранической власти. Зачѣмъ имъ это нужно? — Гдѣ нѣтъ взаимнаго довѣрія, тамъ невозможенъ никакой политической сговоръ, тамъ невозможны и заговоры, тамъ деспотъ «можетъ спать спокойно»... И такъ они воздвигли свой строй на всеобщемъ нравственномъ разложеніи и создали позорнѣйшую изъ тираний міровой исторіи.

Ихъ строй живетъ *страхомъ*, страхомъ всѣхъ передъ всѣми. Партийные тираны боятся народа и его свободнаго мнѣнія и потому запугиваютъ народъ. Отъ страха они сѣютъ страхъ угрозами, арестами, тюрьмою, ссылками, политической каторгой концлагерей и прямыми массовыми убійствами.

Ихъ строй живетъ *лестью*: мѣра пресмыканія, всехваленія, прославленія партийныхъ тирановъ давно уже стала мѣрою преданности Совѣтскому государству. Такъ было при дворѣ Нерона и Калигулы: кто хотѣлъ жить, тотъ долженъ былъ льстить безъ совѣсти, мѣры и вкуса. Такъ обстоитъ теперь дѣло и въ Россіи. Позорно и смѣшно читать, что пишутъ у нихъ журналисты, «академики», музыканты и беллетристы о «геніальныхъ вождяхъ», какую глупую лесть выговариваютъ ихъ партийные и непартийные штатскіе и военные ораторы объ этихъ «вождяхъ» и «учителяхъ», которые на самомъ дѣлѣ жили всю жизнь *чужими мыслями* (Маркса, Энгельса и др.) и за всю жизнь не высказали ни единой самостоятельной идеи... Правда, всѣ они безпримѣрны въ политической *интригѣ* и безоглядной *жестокости*, — но и только. Хвала, вынужденная страхомъ, есть навязанная лесть, т. е. самовосхваленіе навязавшаго ее тирана. Какое мнимое «величіе»! Какая жалкая само-реклама...

Ихъ строй держится *ложью*: лгутъ всѣ, кому еще дорога жизнь; лгутъ, покоряясь, страхуясь, задабривая, приспособляясь, лгутъ ежедневно, ежечасно, симулируя сочувствіе Совѣтчинѣ. Преданность ей и восхищеніе ей. Не лгать въ Совѣтїи можно, только погружаясь въ молчаніе и избѣгая общенія съ людьми; но и это не можетъ спасти отъ провокаціи, доноса и гибели.

Вотъ чѣмъ держится Совѣтское государство: духовною слѣпотою невѣжественныхъ фанатиковъ, карьеризмомъ выдвигенцевъ и терроромъ. Такова его политическая система. Таковы его цѣли и средства.

Это *не* цѣли національной Россіи, это *не* ея средства. *Это два совершенно различныхъ государства.* Это двѣ прямо противоположныя историческія и политическія силы.

Но одна изъ нихъ — Совѣтская — завладѣла русской территоріей, русскими національными богатствами и возможностями и поработила русскій народъ, злоупотребляя, на погибель другихъ народовъ, его талантомъ, его терпѣніемъ, его выносливостью и трудоспособностью и растрачивая его силы во имя міровой революціи. Нѣтъ сомнѣнія: окончательное торжество Совѣтскаго государства было бы окончательной гибелью національной Россіи.

И поистинѣ надо быть политически слѣпымъ, чтобы черезъ 30 лѣтъ не видѣть этого или не понимать. Слепымъ... или же безсовѣстно лживымъ.

8. О «совѣтскихъ патріотахъ».

Что же, совѣтскіе патріоты всѣ повально страдаютъ политической слѣпотой? И кого слѣдуетъ называть совѣтскимъ патріотомъ?

Совѣтскими патріотами слѣдуетъ называть только тѣхъ, которые *сами* называютъ себя такъ по собственной, доброй и свободной волѣ.

Русскій народъ только что показалъ и доказалъ на дѣлѣ свой *русскій національный патріотизмъ*, и мы совершенно не сомнѣваемся въ томъ, что этотъ здоровый и глубокій патріотизмъ инстинкта и духа, спасшій Россію отъ завоеванія германцами, преобладаетъ въ Россіи и теперь. Мы гордимся этимъ; мы преклоняемся передъ этимъ и раздѣляемъ это чувство.

Но подъ гнетомъ совѣтскаго террора этотъ патріотизмъ приходится выдавать въ Россіи за совѣтскій: этого требуютъ сами коммунисты; въ этомъ духѣ лжетъ совѣтская пресса, объ этомъ приходится лгать и самимъ національнымъ патріотамъ. Осуждать ихъ за это нельзя.

Мы знаемъ это, мы считаемся съ этимъ и имѣемъ въ виду совсѣмъ иное.

Мы имѣемъ въ виду тѣхъ, кто *сердцемъ* своимъ измѣнилъ Россіи и прилѣпился къ Совѣтчинѣ. Мы имѣемъ въ виду тѣхъ, кто сознаниемъ и волею предпочелъ Совѣтское государство и предался ему на рабство. Мы имѣемъ въ виду особенно тѣхъ, кто, обладая за рубежомъ *свободой* и не находясь въ тискахъ Совѣтчины, *отвергъ* свое свободное эмигрантское стояніе, прекратилъ свое зарубежное служеніе національной Россіи, къ коему онъ былъ призванъ, и добровольно пошелъ служить партійнымъ тиранамъ Россіи, покоряясь ихъ приказамъ, запретамъ и требованіямъ, принимая отъ нихъ «соціальные заказы» и «политическія порученія», обязуясь содѣйствовать ихъ цѣлямъ и не уклоняться отъ ихъ гнусныхъ средствъ и способовъ...

Это — «совѣтскіе патріоты». Они сами приняли это званіе. Они сами избрали свое служеніе. Къ нимъ относится все то, что сказано и доказано нами выше. *Они измѣнили Россіи въ самый трагическій часъ ея исторіи* и этимъ сами опредѣлили свою нравственную и политическую природу.

Они — *присоединились*. Къ кому?

Въ Россіи теперь есть только палачи и жертвы.

И вотъ одни по своей малой сознательности, граничащей съ политической слѣпотой, добровольно присоединяются къ *жертвамъ*: довѣряя совѣтской пропагандѣ, заманивающей людей на свою каторгу, они «регистрируются», выбираютъ совѣтскіе паспорта, забираютъ свою рухлядь, садятся на пароходы и тотчасъ же убѣждаются въ томъ, что они обмануты, что они стали рабами и что изъ этого рабства можно спастись только новымъ бѣгствомъ... Тогда эти бѣглецы вновь появляются среди насъ и съ ужасомъ подтверждаютъ все то, о чемъ мы ихъ предупреждали: и допросы, и анкеты, и угрозы, и доносы, и каторгу жизни, и всеобщее униженіе, и «потогонную систему» подневольнаго труда...

Такова судьба политическихъ слѣпцовъ.

Дѣло въ томъ, что въ русскомъ зарубежьи было слишкомъ много *бѣженцевъ*. Бѣженецъ — *не* эмигрантъ: онъ не мыслитъ политически, онъ не борець, онъ не понимаетъ происходящаго и не связанъ никакими цѣлями и идеями. Онъ — испуганный и спасающійся обыватель; ему бы только «унести ноги», «устроиться» и «обзавестись»; онъ слѣдуетъ законамъ массовой психологіи. За годы и годы бѣженство стало его привычнымъ состояніемъ; его тревожитъ всегда одинъ и тотъ же вопросъ: «куда податься» и «гдѣ лучше устроиться»? Бояться онъ привыкъ, «бѣжать» онъ научился... И вдругъ... подулъ другой вѣтеръ, обратный. Гдѣ же ему разобраться, что пропаганда и что дѣйствительность?

Его заманиваютъ, онъ прислушивается. Ему обѣщаютъ, онъ начинаетъ вѣрить. Его уговариваютъ, на него насѣдаютъ, сулятъ и грозятъ. Вездѣ страшно, *всюду бѣженство*. Но «тамъ» — *все же Россія*, родные поля, лѣса, рѣки, снѣжная зима и главное — родной языкъ... И вотъ онъ бѣжитъ назадъ, захватывая нажитыя «животишки», надѣясь, что ихъ не отберутъ, и не соображая, что онъ *самъ* скоро отдастъ ихъ, чтобы не видѣть жену и дѣтей погибающими отъ голода...

Въ сущности, это — русскіе патріоты, заблудившіеся между Россіей и Совѣтчиной...

Но есть и другіе, настоящіе «совѣтскіе патріоты». Эти отлично знаютъ различіе между жертвою и палачомъ и совѣмъ не хотятъ присо-

единяться къ жертвамъ. Именно поэтому они спѣшаютъ присоединиться къ *палачамъ*. Они идутъ къ нимъ со всякою покорностью и готовностью, льстятъ, славословятъ, принимаютъ порученія, поносятъ непокорныхъ и доносятъ на стойкихъ, издають безчестныя совгазетки, лгутъ въ нихъ завѣдомо и безстыдно, формируютъ «союзы возвращенцевъ» и «совѣтскихъ патріотовъ», а иногда и помогаютъ совѣтскимъ людехохитителямъ. Всѣмъ этимъ они сдаютъ экзаменъ на «лояльныхъ совгражданъ», т. е. на агентовъ и палачей.

И когда наблюдаешь за ихъ суетней и за ихъ газетнымъ непотребословіемъ, за ихъ стараніемъ «пріобщиться» и «преуспѣть», то невольно вспоминаешь разсказъ Леонида Андреева, недавно прочтенный въ его собраніи сочиненій. Онъ озаглавленъ «Бездна»: два рослыхъ оборванца гонятся за дѣвушкой, чтобы изнасиловать ее, а хромой и плюгавый бѣжитъ сзади съ воплемъ: «И я, братцы, и я!..».

Именно таковы зарубежныя «совѣтскіе патріоты» — съ именемъ и безъ имени.

Пусть не говорятъ намъ, что они все же «пишутъ о Россіи, и притомъ сочувственно». На самомъ дѣлѣ все, что они дѣлаютъ, они дѣлаютъ лишь въ мѣру совѣтскаго приказа или позволенія, т. е. они пишутъ о Россіи постольку, поскольку это выгодно ея врагамъ и работодателямъ, и «сочувствуютъ» русскому дѣлу лишь постольку, поскольку это выгодно коммунистической пропагандѣ. Поэтому самое ихъ писаніе о Россіи, — политическое, хозяйственное или беллетристическое, — что бы они тамъ ни выписывали и какъ бы ни ловчились, — есть *предательство*.

Пусть не говорятъ намъ, что среди совѣтскихъ патріотовъ есть и такіе, которые «все же паспортовъ не берутъ и въ Совдепію не ѣдутъ»: они только посѣщаютъ полпредства, они только вполголоса подхваляютъ и даже когда завтракаютъ или празднуютъ съ большевиками, то стараются указывать имъ на ихъ «ошибки». Все это мертвое и криводушное пустословіе. Эти соблазнители недалеко ушли отъ настоящихъ «совѣтскихъ патріотовъ»: они сидятъ въ своихъ парижскихъ виллахъ и квартирахъ, въ безопасности, ничѣмъ не рискуя, и *криводушествуютъ*, соблазняя и зазывая. Это добровольные рекламеры Совѣтчины. Это не палачи, а только *заманиватели жертвъ*. Сами въ Совѣтіи не побывавшіе, давно или никогда или ничего въ ней не выдавшіе, они заняты реабилитацией совѣтскихъ злодѣяній, а наивные люди, читая статьи этихъ услужливыхъ совѣтскихъ лжесвидѣтелей, вѣрятъ имъ и идутъ на регистрацію. При этомъ сами лжесвидѣтели отлично знаютъ, что

похвала ихъ фальшива и что они лгутъ, и называютъ свое темное дѣло «подвигомъ лжи»...

И напрасно они восхищаются (или только дѣлаютъ видъ, будто восхищаются) размѣрами совѣтскаго промышленнаго строительства: «Какіе заводы построены, какія сооруженія воздвигнуты, Россія не видѣла ничего подобнаго»...

Мы спросимъ только: *для чего* все это сооружается? Ради какой цѣли? Отвѣтъ: *для революціоннаго завоеванія міра цѣною погубленія Россіи*. Этимъ сказано все. Нельзя восхищаться средствомъ, не раздѣляя цѣли. Кто радуется успѣхамъ совѣтской промышленности, тотъ въ дѣйствительности втайнѣ сочувствуетъ этимъ міровымъ планамъ и только боится высказывать это вслухъ.

А мы спросимъ еще: какую *цѣною* оплачивается это строительство? Отвѣтъ: цѣною концлагерного режима, цѣною безчеловѣчной растраты русской силы, русской свободы, русскаго таланта и русской чести. Нелѣпо, чудовищно восхищаться успѣхами, добываемыми *такой* цѣной, бессмысленно закрывать себѣ глаза на такое разореніе Россіи во имя успѣховъ Совѣтскаго государства и міровой революціи. Такъ бываетъ, что наивные старики въ деревнѣ радуются «городскимъ успѣхамъ» своей дочери, не соображая того, *чѣмъ* она промышляетъ и куда ведутъ ее эти «успѣхи».

Россія переживаетъ болѣзненную, катастрофически слагающуюся и протекающую «промышленную инфляцію»... Ей соотвѣтствуютъ разореніе и хирѣніе русскаго крестьянства... Что останется отъ этой «инфляціи» къ концу революціи? Когда и какъ опомнится и оправится русское крестьянство? Умный хозяинъ «считаетъ цыплятъ по осени»; дальновидный политикъ понимаетъ, что безъ здороваго крестьянства русской демократіи не бывать. Чему же радуются эти люди? Грядущему «цезаризму» въ Россіи? Или ея пролетаризаціи? Или просто размѣрамъ плохо, на показъ построенныхъ зданій?

Таковы «совѣтскіе патріоты». Таковъ смыслъ ихъ политики.

И безпристрастная исторія никогда не забудетъ ихъ «совѣтскихъ заслугъ». Она недвусмысленно установитъ, что *Совѣтскій Союзъ никогда не былъ Россіей*, и что это два государства различнаго духа, различныхъ цѣлей и различной судьбы.